

Gumeckaja, Ljudmila L.

К вопросу о языке молдавских грамот XIV-XV вв.

In: *Otázky dějin střední a východní Evropy*. [I.]. Hejl, František (editor).
Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1971, pp. 25-35

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120751>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЛЮДМИЛА Л. ГУМЕЦКАЯ (ЛЬВОВ)

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ МОЛДАВСКИХ ГРАМОТ XIV—XV ВВ.

С языком молдавских грамот первые вступили в соприкосновение историки, издатели памятников деловой письменности с территории Молдавии и Валахии. Им же принадлежат и первые высказывания об этом языке, первые общие замечания о его природе. Так, уже в 1832 г., в предисловии к изданию валашских грамот под заглавием „Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты“, вышедшему в 1840 г., Ю. Венелин противопоставлял валашские грамоты, составленные „на природном болгарском языке“, молдавским грамотам, писанным „на южнорусском наречии“¹. Подобного взгляда придерживались и издатель молдавских и валашских грамот, хранящихся в архивах г. Львова, Э. Калужняцкий², и польский историк А. Яблоновский³, отчетливо противопоставлявшие молдавские грамоты валашским. В 1893 г. чешский историк К. Иречек, касаясь вопроса о языке опубликованных Э. Калужняцким в 1890 г. молдавских грамот⁴, подчеркивал факт, что в границах Молдавского княжества, в непосредственной близости к его столице Сучаве, находилась территория, населенная украинцами (mit kleinrussischen Bewohnern), что до возникновения Молдавского государства граница Галицкого княжества в XII в. простиралась до нижнего Дуная. В византийских документах позднего средневековья Молдавия выступает под именем „Росо-Влахии“ в противоположность Валахии („Унгро-Влахии“), а молдавский господарь Стефан именуется в актах

¹ Ю. Венелин, Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, СПб 1840, I.

² E. Kaluźniacki, Dokumenta moldawskie i multañskie z Archiwum miasta Lwowa, „Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum t. zw. Bernardyńskiego we Lwowie, Lwów, 1878, 195—325.

³ A. Jabłonowski, Sprawy wołoskie za Jagiellonów, „Źródła dziejowe“, t. X, Warszawa 1878, III.

⁴ Documente privatoare la istoria Românilor, culese de Eudoxiu de Hurmuzaki¹² (culese, adnotate și publicate de Nic. Denușianu și cu apendice de documente slavone de Emil Kaluźniacki), București 1890.

патриархата 1395 г. воеводой Росо-Влахии. Первый молдавский митрополит, как отмечает П. Константинуеску-Яши, был возведен в сан галицким митрополитом, что свидетельствует о том, что вся Молдавия входила в состав древней галицкой епархии и политически подчинялась Галицкому княжеству⁵. Язык молдавских грамот, по мнению К. Иречка, носит решительно „русский“ характер (entschieden russischen Typus, von ganz russischer Art)⁶. Знаток молдавской дипломатики и палеографии, А. И. Яцимирский усматривал в основе языка молдавских грамот „с одной стороны, официальный западнорусский, с другой — живой галицко-волынский говор. При этом не обошлось ни без влияния болгарского языка... ни без влияния польского или белорусского и в слабой степени — румынского“⁷. Известный румынский историк, издатель молдавских документов, Ион Богдан считал, что „русский“ характер языка молдавских грамот (in russischer Sprache verfasst) не подлежит сомнению, так как, по его мнению, иначе его и назвать нельзя, раз в нем выступают черты, общие для великороссов, малороссов и белорусов. Вместе с тем И. Богдан отмечает наличие украинских элементов (kleinrussische Bestandteile) в языке и внутренних, и внешних грамот, подчеркивая знакомство населения Молдавии, в особенности же жителей ее северной части, с украинским языком (mit der kleinrussischen Aussprache)⁸.

Противоположное мнение относительно языка молдавских грамот было высказано румынским историком И. Бэрбулеску, выступившим с тезисом о болгаро-славянском языке и орфографии молдавских грамот с примесью сербско-славянских и „русско“-славянских элементов. Разговорный славянский язык в Молдавии, по мнению И. Бэрбулеску, являлся тройным конгломератом болгарско-сербской основы и „русских“ элементов. Эти „русские“ элементы внутренних грамот, по мнению ученого, в языке молдавских грамот неорганичны, внешние же грамоты, адресованные польским королям, написаны, как утверждает Бэрбулеску, на „русско“-польском языке, но имеют „русскую“ орфографию⁹. Тем не менее в более поздней своей работе И. Бэрбулеску говорит о том, что возникновение молдавского типа восточно-романских племен наступило только вследствие их смешения с украинским (rutean) населением территории между верхним течением Серета и Прута, куда прибыли предки молдаван в XIII в¹⁰. Кстати сказать, трудно представить себе, чтоб язык славянских грамот XIV—XV вв. с территории молдавской народности, сформировавшейся вследствие смешения с украинским элементом, не носил признаков украинского языка. Столько истории XIX—начала XX вв. о языке молдавских грамот.

Из языковедов того периода первый высказался о языке молдавских

⁷ А. И. Яцимирский, Язык славянских грамот молдавского происхождения, „Статьи по славяноведению“, вып. III, СПб. 1910, 154.

⁵ Ср. П. Константинуеску — Яши, O prietenie de veacuri. București 1957, 24.

⁶ С. Jireček, Slavische Chroniken der Moldau, Archiv für slavische Philologie, XV, 1893, 85—86.

⁸ J. Bogdan, Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden, „Zbornik u slavu V. Jagica“, Berlin, 1908, 369—372.

⁹ Ср. И. Богдан, указ. соч., 370.

¹⁰ I. Bărbulescu, Individualitatea limbii române și elementele slave vechi, București 1929 81.

грамот А. И. Соболевский, отметивший в нем „южнорусскую примесь“¹¹. А. Крымский безоговорочно определил его как украинский, считал, что неорганические, чужие наслоения в языке молдавских грамот не могут „заслонить живую, яркую и чистую малорусскую суть“, что в большинстве случаев буковинские грамоты писали „природные малоруссы, притом говорившие необыкновенно красивым малорусским языком“¹². Взгляд А. А. Шахматова на язык молдавских грамот явствует из предложенной им темы „Малорусский язык грамот молдавского происхождения XIV—XV вв.“, выдвинутой в 1909 г. историко-филологическим факультетом С.-Петербургского университета в числе тем для студенческих работ на соискание медалей и наград. В своей рецензии на выполненную по этой теме работу В. Ярошенко А. А. Шахматов говорил о сложности условий, „при которых создавалась и развивалась русская письменность в Молдавии и Буковине“¹³. Всесторонний языковедческий анализ орфографии, фонетики и морфологии языка молдавских грамот, и заметки о его синтаксисе, содержит обстоятельное исследование В. Ярошенко „Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV ст.“ Написанная в 1910 г. и удостоенная золотой медали совета С.-Петербургского университета, изданная однако только в 1931 г., работа В. Ярошенко, благодаря своему документальному характеру, не потеряла своего научного значения и сегодня. Исследование В. Ярошенко неоспоримо доказало, что, невзирая на среднеболгарские следы в орфографии, случаи среднеболгарского и молдавского смещения падежей, наличие известного количества лексических молдованизмов, язык молдавских грамот является тем же староукраинским письменно-литературным языком, известным из других староукраинских грамот с других территорий.

Подводя итоги представленным взглядам историков и языковедов XIX-начала XX вв. на сущность языка молдавских грамот, приходится констатировать, что, за исключением И. Бэрбулеску, все они видели в нем „русский“ язык. Не следует однако забывать, что в те времена, за немногими исключениями, „украинский“ и „белорусский“ языки считались наречиями единого русского языка. Таким образом термин „русский“ соответствовал по своему значению современному термину „восточнославянский“. Все они однако подчеркивали наличие в нем „малорусских“, „южнорусских“, т. е. украинских элементов.

У современных советских языковедов украинский характер языка молдавских грамот не вызывает сомнений. Ряд исследований по истории украинского языка включает материал молдавских грамот наравне с материалами других староукраинских памятников с других территорий. Наиболее четко высказался по этому вопросу московский романист, проф. М. В. Сергиевский: „письменный язык господарской канцелярии был не чем иным, как обычным деловым языком юго-западной Руси с примесью элементов галицко-волынской разговорной речи“¹⁴. По существу сходна

¹¹ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, СПб. 1891, изд. 2-е, 16.

¹² А. Крымский, Украинская грамматика, т. 1, вып. 1-й. М. 1907, 64, 78.

¹³ Ср. Отчет о состоянии и деятельности СПб университета за 1910 г., 350, СПб. 1911. Цитирую по В. Ярошенко „Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв., „Збірник комісії для дослідження історії української мови“, т. 1, К. 1931, 247.

¹⁴ М. В. Сергиевский, Молдаво-славянские этюды, М. 1959, 68.

позиция советского историка Н. С. Антошина, оперирующего однако устаревшим термином „русский“ в значении „украинский“ и считающего, что „русский язык в молдавских канцеляриях стал традиционным (...) грамоты писались на русском языке, церковный язык допускался только в грамотах, адресованных монастырям, церквям и духовным лицам“¹⁵.

Интересные соображения относительно молдавских грамот высказывались известным чешским историком, чествуемым настоящим сборником профессором брненского университета Йозефом Мацурком. Перу Й. Мацурка принадлежит ряд работ по вопросам межславянских связей, истории культурных связей западных и восточных славян, в частности влияния старочешского документа на западноукраинский¹⁶.

Проф. Мацурек интересовался прежде всего молдавскими грамотами, как образцами средневековой дипломатики, не ставил своей целью исследование языка этих документов и ограничился только указанием на наличие в нем чешских заимствований. Бесспорной заслугой проф. Мацурка является то, что он первый обратил внимание на сходство староукраинской и старочешской грамоты и в смысле их структуры как дипломатического документа, и в отношении их лексико-фразеологического наполнения. Сопоставляя тексты старочешской и староукраинской грамот, проф. Мацурек наглядно показал, что староукраинская грамота часто прямо калькирует лексику и фразеологию своего чешского образца. Вопрос сферы влияния старочешской дипломатики подвел ученого непосредственно к молдавским грамотам. Констатируя аналогичный характер молдавской и староукраинской грамоты, Й. Мацурек противопоставляет эту последнюю валашской и болгарской грамоте.

Отдельную позицию в вопросе о языке молдавских грамот занимает современная румынская славистическая школа, в работах которой наблюдается тенденция к нивелировке различий между языком молдавских и валашских грамот и подчеркиванию в них румынских элементов, стремление рассматривать язык всех славянских грамот, возникших на территории предков сегодняшних румын (Валахии, Трансильвании, Молдавии), как единый поток, как „книжнославянский язык румынской редакции“. Особенно четко была выражена эта позиция в коллективном докладе молодых румынских славистов, представленном на V Международном съезде славистов. Письменный славянский язык Молдавии определяется в нем как в основе своей южнославянский с восточнославянскими и польскими элементами, хотя дальше авторы перечисляют и ряд других выступающих

¹⁵ Н. С. Антошин, Состав молдавских грамот XIV—XV веков, „Научные записки Ужгородского гос. ун-та, т. XXVIII, Языкознание, Ужгород 1957, 82.

¹⁶ Ср. J. Macúrek, Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století, Sb. „Franku Wollmanovi k sedmdesátinám“, Praha 1958; *ego же*, K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století, „Slovanské historické studie“, 3, Praha 1960; *ego же*, K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století, „Sborník prací filosofické fakulty brněnské university“, C 7, 1960; *ego же*, K otázce kulturních souvislostí západních a východních Slovanů v XIV.—poč. XVI. století, „Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii“, Praha 1963; *ego же*, Působila česká listina na listinu moldavskou v 2. polovině 15. století? „Sborník prací filosofické fakulty brněnské university“, 1966, C 13; *ego же*, A influență actuală a cancelariei documentelor moldovenești în a doua jumătate a secolului al XV-lea? (Note în legătură cu relațiile culturale ceho-române și ceho-ucrainene) Studii, Revista de istorie, 1. Tomul 21, 1968.

в нем „элементов“. Характерно, что все эти „элементы“ подаются в одной плоскости, без учета их удельного веса в структуре языка. В языке молдавских грамот авторами почему-то разграничиваются „восточнославянские“ и „украинские“ черты, из чего можно бы сделать вывод, что первые исключают вторые и что слова типа *король, город* и т. п. не могут являться украинскими чертами в этом языке¹⁷.

Выдающийся румынский славист, лучший знаток славянских документов с восточнороманской территории, Д. П. Богдан, не углубляясь в анализ языка молдавских грамот, ограничивается общими замечаниями о нем. Однако термины, которыми оперирует ученый, не совсем ясны, по крайней мере вкладываемое в них содержание, как кажется, не совсем совпадает с общепринятым содержанием этих терминов. Д. П. Богдан видит в языке молдавских грамот „старославянскую“ основу, сам же язык определяет как „конгломерат“ старославянских, среднеболгарских, русских, украинских и очень немногочисленных сербско-хорватских элементов¹⁸. Надо полагать, что под термином „старославянский“ автор понимает „церковнославянский“ язык, являвшийся, как известно, длительное время литературным языком на Руси и влиявший на древнерусский письменно-литературный язык. Наличие церковнославянских элементов в деловом языке XIV—XV вв., развившемся на древнерусской основе, — явление обычное и вполне закономерное во всех письменных памятниках с восточнославянской территории и поэтому не может свидетельствовать о „старославянской“ основе языка молдавских грамот.

Неясно и значение термина „русский“, противопоставляемого термину „украинский“. Думается, что Д. П. Богдан употребил его не в сегодняшнем значении „относящийся к русским = великороссам“, так как сомнительно, можно ли найти великорусские черты в языке молдавских грамот XIV до XV вв. По-видимому, автор употребил этот термин в устаревшем значении „восточнославянский“, но ведь все восточнославянские черты языка являются в то же время и украинскими. Во всяком случае приводимые в работах Д. П. Богдана материалы недвусмысленно свидетельствуют об украинском характере языка молдавских грамот¹⁹. Что же касается определения языка славянских грамот с восточнороманской территории как „конгломерата“ различных элементов, то едва ли найдется современный национальный литературный язык, который не был бы таким „конгломератом“, в котором нельзя было бы выделить элементы самого различного происхождения, не говоря уже о письменно-литературных языках средневековья.

Чтобы составить себе правильное мнение о деловом языке Молдавии, недостаточно рассматривать молдавские грамоты единственно в связи с валашско-болгарскими документами, но необходимо и отдать себе отчет в том, что представлял собою письменно-литературный язык того времени на

¹⁷ Лучия Джамо, Олга Стойкович, Мария Османь, Елена Линца, М. Митчу, Характерни черти на книжнославянски език румънска редакция (XIV—XV в.), *Romanoslavica IX*, București 1963, 141, 136, 139.

¹⁸ Ср. хотя бы Д. П. Богдан, *Patru acte de la Ștefan cel Mare*, *Revista Arhivelor*, 1, Anul XII, București 1969, 248.

¹⁹ Ср. Д. П. Богдан, Фонетические особенности языка молдавских грамот XIV в., *Romanoslavica II*, 1958, 55—75; иллюстративный материал в его же *Liens de la linguistique et de la codicologie slavo-roumaines*, „*Byzantinoslavica*“ 1/1969, 42—46.

соседней украинской земле, с которой Молдавия пребывала в самом тесном общении, надо сопоставить язык документов, возникших в этой территории с языком молдавских документов, выявить их схождения и расхождения.

В XIV—XV вв., в юго-западной части восточнославянской территории, которая уже в XIII в. на основе ряда языковых черт противопоставлялась северо-восточной территории Руси²⁰, формируется на древнерусской основе, под значительным, однако западнославянским — чешским и польским — влиянием, общий украинско-белорусский письменно-литературный язык. Образованию этого общего письменно-литературного языка содействовали, с одной стороны, исторические события, — объединение в одном государственном организме, в Литовско-Русской державе, белорусских и значительной части украинских земель с Вольшыню, которая, как это уже отмечалось учеными²¹, среди вошедших в состав Великого княжества Литовского земель отличалась наиболее высокой культурой и которой Великое княжество Литовское было обязано значительной частью своей интеллектуальной элиты. Самой тесной была связь этих земель и с украинскими землями, вошедшими в состав Польской Короны, формально другого государственного организма, связанного однако персональной унией с Великим княжеством Литовским. С другой стороны, не без значения для образования общего украинско-белорусского письменно-литературного языка была и генетическая близость украинского и белорусского языков: по мнению А. А. Шахматова, одним из компонентов этого последнего являлось южное наречие, близкое украинскому языку²², по Ю. Шереху, белорусский язык явился продуктом экспансии, с одной стороны, полоцко-рязанских, с другой стороны — северной части украинских киево-полесских говоров²³.

Общий характер украинско-белорусского письменно-литературного языка был давно отмечен исследователями²⁴. Несмотря на различные названия, которыми именовали этот язык, его общий украинско-белорусский характер не отрицался ни раньше, ни теперь²⁵. Противоречивые взгляды высказывались только относительно природы этого языка, точнее — относительно его диалектной основы. Взгляды на „западнорусский“ язык, как на язык белорусской народности представлен в основном белорусскими учеными, начиная с Е. Ф. Карского до современных историков белорусского литературного языка²⁶. Некоторые украинские ученые, наоборот,

²⁰ Ср. *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache Litauens, Oslo, 1935, 21, 115; *A. Martel*, La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche 1569—1667, Lille 1938, 23.

²¹ Ср. *Р. И. Аванесов*, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. „Вопросы языковедения“, 1955, № 5, 27.

²² Ср. *Yury Serech*, Problems in the Formation of Belorussian, Supplement to WORD, Journal of the Linguistic Circle of New York, vol. 9, December 1953, 92—93.

²³ Ср. *А. А. Шахматов*, Очерк древнейшего периода истории русского языка, „Энциклопедия славянской филологии“, Выпуск II, 1, Петроград 1915, VII, 330.

²⁴ Ср. *М. Коялович*, Ответ Костомарову на его статью в н-ре 118 газеты „Голос“, „Русский инвалид“, н-р 100; 1964; *К. Михальчук*, До питання про українську літературну мову, „Український діалектологічний збірник“, кн. II, К. 1929, 4—5, 7.

²⁵ Ср. *П. П. Плюц*, Нариси з історії української літературної мови, К., 1958, 130; *А. І. Жураўскі*, Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I, Мінск 1967, 8—9; *У. В. Анічанка*, Беларуска-украінскія пісьмова-моўныя сувязі, Мінск, 1969, 5, 15—17.

²⁶ Ср. *А. І. Жураўскі*, указ. соч., *passim*.

видят в западнорусском письменно-литературном языке донационального периода украинскую южную и юго-западную диалектную основу²⁷ или же преобладание в нем элементов украинских говоров²⁸. Однако материалы памятников письменности донационального периода на Украине и в Белорусии не дают оснований ни для первого, ни для второго рода утверждений, так как западнорусский письменно-литературный язык впитал в себя в одинаковой степени черты украинской и белорусской диалектной основы. Эту точку зрения разделяет в своей новейшей работе и белорусский ученый В. В. Аниченко²⁹. Самое большее можно говорить о двух вариантах одного письменно-литературного языка, как на это не раз указывалось в научной литературе³⁰. Насколько слабо освещена в научной литературе история становления белорусского и украинского литературных языков донационального периода, видно из того, что даже в работах таких крупных ученых, как Т. Лер-Сплавинский, встречаются совершенно ошибочные утверждения, вроде того, что письменный язык на Руси, входившей в состав государства Ягеллонов, на протяжении XVI—XVII вв. находился под белорусскими влияниями, которые почти целиком вытеснили из него украинские (*małoruskie*) элементы³¹.

Будучи относительно стандартизованным на каждом этапе своего развития и сохраняя вследствие этого наддиалектный характер, западнорусский письменно-литературный язык тем не менее не был во всех своих проявлениях унифицирован, — явление, свойственное только литературным языкам национального периода. Выработанный в основном в канцеляриях юго-западной Руси и Литовско-Русского государства, зафиксированный сначала только в памятниках деловой письменности, грамотах XIV—XV вв., язык этот, стандартизованный в отношении грамматической структуры, лексики и фразеологии, явственно свидетельствовал о фонологической дифференциации языковой территории, на которой он функционировал. Так, относительно трактовки *ѣ* в ударном/безударном слоге в западнорусском письменно-литературном языке проступают особенности северно-белорусских говоров с *e* вместо *ѣ* независимо от ударения (типа *e* в *повете*), южнобелорусских и северноукраинских диалектов с *ѣ* в ударном и *e* в безударном слоге (типа *e* в *повѣте*) и южноукраинских диалектов с *ѣ/и* независимо от ударения (типа *e* в *повѣтѣ*, *e* в *повиту*). Относительно трактовки *-'a* (*-*e*) в безударном слоге противопоставляются белорусские и северноукраинские говоры (*паметь*) южноукраинским (*пам'ять*). В отношении трактовки *o*, *e* в новом закрытом слоге и смешения этимологических *ы/и* явственно противопоставляются белорусские и украинские черты (*нарощенья, шесть, грошевъ, доброволно* // *нарощѣнья, шистъ, грошювъ, доброволно; быхомъ, не могли* // *бихомъ, не могли*).

Упомянутые фонологические противопоставления, проступающие в за-

²⁷ Ср. Ф. Т. Жилко, Некоторые особенности развития украинского национального языка, „Тезисы докладов на Совещании по проблеме образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков“, М. 1960.

²⁸ Ср. I. Ogijenko, Język cerkiewno-słowiański na Litwie i w Polsce w w. XV—XVIII, Prace Filologiczne XIV, Warszawa 1929, 529.

²⁹ Ср. В. В. Аниченко, указ. соч., 16—17.

³⁰ Ср. Chr. S. Stang, A. Martel, П. П. Плющ, указ. соч.

³¹ Ср. А. Brückner i T. Lehr-Splawiński, Zarys dziejów literatur i języków literackich słowiańskich. Lwów, 1929, 170.

паднорусском письменно-литературном языке XIV—XV вв., иллюстрируют дивергентный процесс развития близкородственных языков, начинающийся, как правило, на уровне элементарных средств, на фонологическом уровне языка и вместе с тем свидетельствуют о диалектном членении территории, которую обслуживал западнорусский письменно-литературный язык. В силу своей природы указанные междиалектные противопоставления носили взаимоисключающий характер, т. е. не допускали наличия в одном и том же говоре обоих членов противопоставления. Благодаря этому на основе отражения в памятнике тех или иных фонологических особенностей языка представляется возможным связать данный памятник с той или иной диалектной территорией. Вместе с тем некоторые фонологические особенности белорусских и отчасти северноукраинских говоров, как например *e* — *ѣ*, закономерные в памятниках с белорусской или волынской территории, спорадически встречаются и в галицких, и в киевских, и в буковинско-молдавских грамотах. Это свидетельствует о том, что эта черта, введенная в практику канцелярий белорусскими или северноукраинскими писцами, превратилась уже в особенность правописания, в орфографический узус, поддерживаемый авторитетом великокняжеской канцелярии. Спорадические написания с *e* вместо этимологического *ѣ* удерживаются в памятниках с восточной части украинской языковой территории вплоть до XVII в.³² Проступающая в памятниках западнорусского языка фонологическая дифференциация языковой территории, которую обслуживал западнорусский письменно-литературный язык, дает основание говорить о его украинском и белорусском вариантах.

В отношении грамматической структуры, в области словоизменения, памятники западноукраинского языка выявляют наличие конкурирующих параллельных форм, как напр. *-ови/-у* в дательном ед. ч. существительных мужского рода; *-ей/-ий* в родительном множественного числа основ на *-ъ*; в именительном множественного числа существительных мужского рода с основой на заднеязычный формы типа *светки/свѣдѣци/свѣдоже*; глагольные формы на *-мѣ/-мо/-мы* в 1-м лице множественного числа настоящего времени, типа *чинимѣ/чинимо/чинимы*. В отличие от фонологических противопоставлений конкурирующие формы словоизменения не носили взаимоисключающего характера, не были показателями определенного территориального диалекта. Вариантные формы словоизменения не являлись результатом диалектной эволюции по сравнению с древнерусским состоянием, они были унаследованы от древнерусского периода, и в одинаковой степени органичны и для старобелорусского, и для староукраинского языков, с различной лишь частотностью дистрибуции, с преобладанием тех или иных форм на отдельной территории. Отсутствие диалектных инноваций в области словоизменения в западнорусском письменно-литературном языке XIV—XV вв. сравнительно с древнерусским языком, выработка стандартизованного синтаксиса делового языка, основывавшегося, с одной стороны, на синтаксисе древнерусских грамот с присущими им церковнославянизмами и, с другой стороны, сформировавшегося под явственным

³² Ср. С. П. Самійленко, До характеристики полтавсько-київського діалекту за пам'ятками XVII ст., „Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови“, К. 1954, 26.

влиянием старочешского документа³³, одинаковый лексико-фразеологический фонд с многочисленными богемизмами и полонизмами создали известный тип этого письменно-литературного языка, функционировавшего на пространстве от Вильны до буковинско-молдавской Сучавы. Уже древнейшие памятники западнорусского письменно-литературного языка, грамоты королевских, княжих и городских канцелярий, независимо от места написания и личности писца, имели хождение на всей белорусской и украинской территории.

Язык молдавских грамот выявляет полное совпадение с западнорусским письменно-литературным языком, точнее с его украинским вариантом. На фонологическом уровне в языке молдавских грамот выступают: 1) украинские черты, общие для всех восточнославянских языков — утрата праславянских носовых гласных, юсов и сохранение их как графических знаков для *y/ю* (большой юс) и *a/я* (малый юс), ср. *велемжжнїи*, *ажоже*; вокализация редуцированных в сильной позиции в *o*, *e* и утрата их в слабой позиции, ср. *весь*, *свѣдокъ/всѣ*, *свѣдки*; полногласие, ср. *город*, *волость*, *передци*; сочетания *-ор-*, *-ол-*, *-ер-* вместо праславянских слоговых *г*, *л*, ср. *торгъ*, *столпъ*, *сердечне*; переход начального *e* в *o*, ср. *озеро*; упрощение праславянских групп согласных *-мл-*, *-дл-*, ср. *молити*; эпентетическое *-л* после губных согласных, ср. *земля*; *ч*, *ж* вместо праславянских сочетаний *-tj-*, *-dj-*, *-kt'-*, ср. *речи*, *мочи*, *освѣченїи*, *потверженїе*; 2) черты, в той или иной степени типичные для всей украинской языковой территории: переход древнерусского *ѣ* в *и*, ср. *мисто*, *хотилъ*, *усимъ*; „новое *ѣ*“ в новом закрытом слоге или перед слогом с неслоговым *й*, ср. *съ приволѣньемъ*, *нѣ ймаем*; изменение старого качества *o*, *e* в новом закрытом слоге как результат увеличения их длительности, ср. *булїеи*, *кролювъ*; смешение этимологических *ы* — *и*, ср. творительный множественного числа *городи*, инфинитив *возыти*; неслоговое произношение гласного *у* и в результате смешение *v* — *у*, ср. *уси*, *взналь*; наличие наряду со заднеязычным смычным звонким *g*, обозначаемым в грамотах диграфом *kg* (ср. *Кгловач*), щелевого гортанного *h*, обозначаемого буквами *g/x* или нулевой графемой, ср. *Гудич/Худич*, *господарь/осподарь*; регрессивная ассимиляция согласных по звонкости-глухости, ср. *прозба*, *щаткы*. Три последние особенности свойственны и белорусскому языку; 3) черты, присущие юго-западным говорам украинского языка: смешение безударных *o* — *у*, ср. *уживали/оживали*, *Сочава/Сучава*; переход *a* в *e* под ударением в позиции после палатальных, ср. *узети* (= взяти); протетическое *v* перед начальным *a-*, ср. *ватаманъ*; смешение безударных *e* — *и*, ср. *тїї*, *ижи въ некеи*, *да осадетъ*.

В языке молдавских грамот нашли отражение и некоторые особенности среднеболгарской фонетики, как например, широкое произношение *ѣ*, приведшее к смешению с *'a*, передаваемым буквой *a*, ср. *всам/всѣм*, *датеи/дѣтеи*.

На уровне словоформ язык молдавских грамот не отличается от языка других памятников западнорусского письменно-литературного языка. И в одних, и в других почти все формы словоизменения являются континуантами форм древнерусского языка. И в одних, и в других встречаются

³³ Ср. серию статей проф. *Мацурка* о связи украинского и чешского документа феодального периода, указанные в выноске 14.

церковнославянизмы в склонении прилагательных, ср. родительный единственного числа мужского рода *доброга/доброго*, женского рода *полскоа/полскоѡ/полскои*. Особенностью молдавских грамот является употребление наряду с притяжательными местоимениями в той же функции кратких форм личного местоимения, ср. *господство ми*. Хотя явление это известно и в церковнославянском языке³⁴, однако факт, что оно встречается именно в молдавских грамотах, указывает на его среднеболгарский источник. Встречающиеся спорадически и в молдавских грамотах, и в грамотах с других территорий формы прилагательных мужского рода в именительном падеже единственного числа, типа *молдавскы, бучатски, стары*, известные в современном белорусском языке, можно считать следами белорусского влияния. Не исключена однако возможность и книжного польского влияния.

Наиболее отличной от западнорусского письменно-литературного языка чертой языка молдавских грамот и вместе с тем наиболее бросающейся в глаза является их среднеболгарская орфография, а в сфере синтаксиса смешение падежей, отражающее потерю падежной флексии в среднеболгарском языке (*кроля его милость*), выступающее и в предложных конструкциях (*без никакою шкоду*). Так же в отношении порядка слов в предложении язык молдавских документов значительно отличается от языка староукраинских документов с других территорий. Среднеболгарскими напластованиями являются известные впрочем и в церковнославянском языке³⁵ конструкции с дательным possessивным, типа *успение пресвятѣи владычици*. Эти особенности привнесли в язык молдавских грамот не только их болгарские, но и молдавские писцы по выражению А. Яцимирского, думавшие по-молдавски и писавшие по-славянски. Естественно, что специфика другого государственного организма, что язык народа, среди которого и для которого составлялись юридические документы, должны были оставить и свои лексические наследи в языке молдавских грамот. Лексические молдаванизмы выступают главным образом в сфере ономастики, — в личных и местных названиях — а также в названиях различных должностей и чинов молдавского княжества, в терминах родства, реже — в названиях объектов природы, материальной культуры³⁶.

Многочисленны полонизмы и бегемизмы в языке молдавских грамот. На эти последние обратил внимание Й. Мацурек в указанных выше сочинениях³⁷. Было бы однако ошибочно утверждать о их непосредственном происхождении из польского или чешского языка. Все они известны в памятниках из других территорий, эти западнославянизмы были компонентами западнорусского письменно-литературного языка, сформировавшегося, как указывалось, под значительным западнославянским воздействием. И полонизмы, и бегемизмы в языке молдавских грамот лишней раз свидетельствуют о западнорусском характере языка этих памятников. То же можно сказать о церковнославянских лексических вариантах типа *блато, краль, будущици, такжде*: все они характерны и для других памятников

³⁴ Ср. *A. Vaillant, Manuel du vieux slave, Paris, 1964, 189; М. Ф. Станієвський, Старо-слов'янська мова, Вид-во Львівського університету, 1964, 378.*

³⁵ Ср. *A. Vaillant, М. Ф. Станієвський, там же.*

³⁶ Ср. *Лучия Джамо и др., указ. соч., 153—157.*

³⁷ Ср. примечание 16.

западнорусского языка, унаследовавшего их от древнерусской эпохи.

Сопоставление языка молдавских грамот и других западнорусских памятников XIV—XV вв. показывает, что в тех и других отражена одна и та же фонологическая и грамматическая система украинского варианта западнорусского письменно-литературного языка. Привнесенные болгарскими и молдавскими писцами среднеболгарско-молдавские заимствования в сфере синтаксиса и лексики, при отсутствии их на фонологическом уровне и на уровне словоформ, трудно считать органическими чертами языка молдавских грамот. Язык молдавских грамот — это по существу тот же деловой язык, который имел хождение в XIV—XV вв. на территории от Вильны до Сучавы.

RESUMÉ

K OTÁZCE JAZYKA MOLDAVSKÝCH LISTIN VE 14. — 15. STOLETÍ

Již historikové, první editoři moldavských listin, a po nich jazykovědci označovali jazyk moldavských listin jako „ruský“, tj. — podle tehdejší terminologie — východoslovanský jazyk s příměsí „maloruských“, „jihoruských“ prvků. Ukrajinský charakter jazyka moldavských listin nevyvolává pochybnost v současné sovětské jazykovědě. Zvláštní postoj k této otázce však zaujímá současná rumunská slavistika, která neoprávněně traduje jazyk všech slovanských listin, vzniklých na území východorománských dialektů Valašska, Sedmihradska a Moldavska bez výjimky jako jednotný proud, jako „knižní slovanský jazyk rumunské redakce“. Chceme-li vyjasnit podstatu jazyka moldavských listin, nemůžeme ho zkoumat odděleně od jazyka kancelářů sousedních ukrajinských oblastí. Ve 14.—15. století se na území ukrajinských a běloruských zemí vytvářel společný ukrajinsko-běloruský, „západoruský“ spisovně literární jazyk, který svědčí o fonologické diferenciaci teritoria, na němž se ho užívalo, což dovoluje mluvit o ukrajinských a běloruských variantách západoruského spisovně literárního jazyka. Srovnání jazyka moldavských listin s jazykem ostatních západoruských památek ze 14. a 15. stol. svědčí o tom, že v obou případech se realizuje týž fonologický a gramatický systém ukrajinské varianty západoruského spisovně literárního jazyka. Středobulharsko-moldavská přejatá slova, která přinesli bulharští a moldavští písaři, je těžko pokládat za organické rysy jazyka moldavských listin, protože se projevují pouze v oblasti syntaxe a lexika a chybějí na fonologické rovině a v rovině slovních tvarů.

Z ruského orig. přel. F. H.

